

«КРЯХТЯТ НА СЧЕТАХ ЖАЛКИЕ КОПЕЙКИ»
(к наблюдениям Н. В. Шебалина над текстом «Мертвых душ»)

Никита Виссарионович Шебалин скончался за год до того, как я поступил в Университет, и, никогда не выдав его лично, я не устаю удивляться тому, насколько живой образ этого человека сложился у меня, да и у многих студентов моего поколения, из разговоров с моими учителями. Это относится не только к рассказам о самом Н. В., но и к его филологическому наследию. О том, как на заседании Студенческого научного общества Шебалин справился с надписью о Гликарионе, который «рыбача, наловил много омеев», хорошо знают и те студенты, кто не читал его статьи на четырех страничках, ставшей «классикой жанра»¹. Но многие мысли и наблюдения Н. В., как известно, остались неопубликованными и известны мне и тем, кто учился вместе со мной, только из случайных упоминаний в разговорах со старшими коллегами.

К этому своеобразному «устному наследию» принадлежит и одно из нескольких наблюдений Н. В. над текстом Гоголя², также известное мне из рассказов старших коллег, часть из которых по окончании занятия у Н. В. спешили в читальный зал, чтобы взять там «Мертвые души» и проверить калькуляцию сделки Чичикова с Плюшкиным. Н. В. указывал на ошибку в арифметических подсчетах и, как будто, задумывался даже над возможностью изменения текста; впрочем, точный ход его рассуждения, как и то, не разочаровался ли он в итоге в своей гипотезе, остается неизвестным.

Отметим сразу одно интригующее обстоятельство: по странному совпадению, трудность, связанная с подсчетом копеек, присутствует не только в конечном тексте гоголевской поэмы, но и в ее черновом варианте, так что нельзя точно сказать, к какой именно версии текста относились соображения Н. В. Вначале приведем

¹ Шебалин Н. В. О надписи КБН, 838 // Вестник древней истории. 1976. № 4. С. 108–111.

² О других замечаниях Н. В. к «Мертвым душам» см.: Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России / под ред. А. К. Гаврилова, В. В. Зельченко. 1997. № 1. С. 202–203.

© Д. В. Кейер, 2011

(с незначительными опущениями) диалог Чичикова с Плюшкиным в первоначальной редакции³:

«А сколько бы вы дали за них?» спросил Плюшкин, устремив на него пристально свои тускло-желтоватые глаза.

«Ну мне, признаюсь, совестно и говорить: это такая малость... впрочем, чем богат, тем и рад, говорит пословица. *Я бы дал по тридцати копеек на душу*».

«А как вы покупаете — на чистые?» спросил Плюшкин.

«Да, сейчас деньги».

«Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уж дали бы хоть по тридцати пяти на душу, право, ведь это вам-то небольшой счет составит».

«Поверьте, почтеннейший, что если бы я был богат, я бы вам не только по пятисот на душу, по семи сот готов... <...> Но что ж делать, не могу, не имею достатков».

«Ну, батюшка, *хоть по две копейки-то прибавьте*. Ведь это вам всего на всего, может быть, придется рубль с пятиалтынным».

«*По две копейки, извольте, готов*», сказал Чичиков. «Сколько их у вас? Вы сказали, кажется, семьдесят?»

«Нет, батюшка, *семьдесят пять*», сказал Плюшкин.

«Да, или семьдесят пять. *Тридцать два раза 75 это будет... это будет 22 рубли*. Да, так и выходит: я вам дам пятнадцать рублей бумажками, а семь серебром».

В этом пассаже, несомненно, присутствует арифметическая ошибка: тридцать два, умноженное на семьдесят пять, составляет не 22, а 24 рубля. Причем если Плюшкин, вполне вероятно, сознательно преуменьшил стоимость «надбавки» в две копейки (75×2 даст полтора рубля, а никак не «рубль с пятиалтынным»), то в намерения Чичикова едва ли входило обмануть Плюшкина на два рубля: это не соответствует его характеру, да и глупо было бы из-за двух рублей рисковать судьбой столь важной для него сделки. Итак, в этом случае, действительно, налицо арифметическая ошибка самого Гоголя; если Н. В. имел в виду именно черновую редакцию, то он был прав, и его внимательность заслуживает восхищения.

Впрочем, в том, что Н. В. подразумевал (или даже изучал) черновую редакцию по академическому изданию, полной уверенности нет. Пожалуй, с большей долей вероятности можно предположить,

³ Текст цит. по изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [в 14 т.]. Т. 6: Мертвые души. Т. 1. М.; Л., 1951. С. 324 (курсив в цитатах мой. — Д. К.).

что его рассуждение относилось к основному тексту, который так же содержит трудность в плане арифметики⁴:

«А сколько бы вы дали?» спросил Плюшкин и сам оживовел; руки его задрожали, как ртуть.

«Я бы дал по двадцати пяти копеек за душу».

«А как вы покупаете, на чистые?»

«Да, сейчас деньги».

«Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копеек».

«Почтеннейший!» сказал Чичиков: «не только по сорока копеек, по пятисот рублей заплатил бы!

<...>

Итак, почему ж не дать бы мне по пятисот рублей за душу, но... состоянья нет; по пяти копеек, извольте, готов прибавить, *чтобы каждая душа обошлась таким образом в тридцать копеек*».

«Ну, батюшка, воля ваша, *хоть по две копейки пристегните*».

«*По две копейки пристегну*, извольте. Сколько их у вас? Вы, кажется, говорили семьдесят?»

«Нет. Всего наберется *семьдесят восемь*».

«*Семьдесят восемь, семьдесят восемь, по тридцати копеек за душу, это будет...*» здесь герой наш одну секунду, не более, подумал и сказал вдруг: «*это будет двадцать четыре рубля девяносто шесть копеек!*» Он был в арифметике силен.

Последняя реплика Чичикова, взятая как она есть, в самом деле, несколько расходится с арифметикой: 78×30 не может дать 24 рубля 96 копеек. Легко заметить, что конечная сумма в копейках должна была бы в этом случае как минимум делиться на десять (поэтому, кстати, трудно заподозрить здесь ошибку в подсчетах самого автора). На деле «семьдесят восемь по тридцати копеек за душу» составляет 23 рубля 40 копеек.

Устранить это несоответствие могло бы вмешательство в текст: либо «семьдесят восемь *по тридцати двух* копеек за душу» (вместо «по тридцати копеек»)⁵, либо «*двадцать три* рубля сорок копеек»

⁴ Там же. С. 128–129.

⁵ Так в английском переводе К. Гарнет (*Gogol N. Dead Souls / transl. by Constance Garnett; with an introd. by C. Odets. New York, 1936. P. 181*): «Seventy-eight, seventy-eight at *thirty-two* copecks each, that makes...» и Д. Магаршака (*Gogol N. Dead Souls / transl. with an introd. by D. Magarshack. New York, 1961. P. 138*: «at *thirty-two* copecks a piесе»). Вероятно, переводчики поправили текст из общих соображений. В перево-

(вместо «двадцать четыре рубля девяносто шесть копеек»). Первое из приведенных исправлений, конечно, предпочтительнее: во-первых, оно более экономно, а во-вторых, второй вариант не учитывает обещание Чичикова «пристегнуть по две копеечки». Косвенным аргументом в пользу первой конъектуры мог бы послужить текст черновой редакции, где Чичиков, точно так же согласившись прибавить по две копейки к тридцати за душу, умножает общее число душ (в первоначальной редакции — 75) не на тридцать, а на тридцать два: «...Тридцать два раза 75 это будет... это будет 22 рубли».

Возможно, именно так рассуждал Н. В., если он имел в виду окончательный текст. Однако необходимо ли исправлять имеющийся у нас текст Гоголя? Начнем с того, что итоговая сумма, которая фигурирует в тексте (24 рубля 96 копеек), изменений не требует: Чичиков *expressis verbis* ответил согласием на просьбу Плюшкина «пристегнуть по две копейки»; значит, каждая душа обойдется ему не в тридцать копеек, а в тридцать две. 78×32 (а не на 30) и даст 24 рубля 96 копеек.

Несколько странная, на первый взгляд, вербализация арифметических расчетов Чичикова («по тридцати копеек» вместо ожидаемого «по тридцати двух копеек»), если задуматься, также не дает повода заподозрить ошибку; наоборот, с психологической точки зрения она вполне реалистична. Просто герой не проговаривает вслух все этапы производимых им в уме вычислений, но сперва начинает вычислять вслух, затем продолжает считать «про себя» и в самом конце озвучивает уже итоговый результат. Очевидно, вначале Чичиков, как поступило бы и большинство из нас, умножает 78 на 30, а затем, не забывая, Боже упаси, о «пристегнутых» двух копейках, — уже мысленно, «про себя», а не вслух — прибавляет

де Ч. Хогарта (*Gogol N. Dead Souls / transl. by D. [C.] J. Hogarth. London; Toronto; New York, 1915*), как и в русском тексте, «по тридцати копеек»: «Seventy-eight souls at thirty kopecks each will amount to— to—»; однако у Хогарта Чичиков строже, чем у Гоголя, и отказывается «пристегнуть по две копеечки»: «“Yet stretch another point, and throw in another two kopecks.” — “Pardon me, but I cannot”», а в прим. к этому месту у Хогарта говорится: «Nevertheless Chichikov would appear to have erred, since most people would make the sum amount to twenty-three roubles, forty kopecks. If so, Chichikov cheated himself of one rouble, fifty-six kopecks». Как видим, и у переводчиков Гоголя разбираемое место вызвало затруднения.

к ним 78, умноженное на два; в тексте Гоголя этой молчаливой операции — в уме и за «одну секунду» — соответствует многоточие.

Хотя с предположением Н. В. об арифметической ошибке Гоголя (если оно относилось к основному тексту «поэмы») мы вынуждены не согласиться, подчеркнем: привлечение внимания к тексту классика, который содержит скрытую трудность, а заодно и тонкость в изображении жизни, ценно уже и само по себе. Особенные значения такие наблюдения имеют для студентов-классиков, которые на примере филологических проблем в текстах классической русской литературы приучаются к внимательному, «филологическому» чтению. Раньше такой педагогический прием был в первую очередь характерен для занятий у Якова Марковича Боровского, а позже — у Натальи Марковны Ботвинник.